

*Тем, кто падал,
но все равно поднимался...*

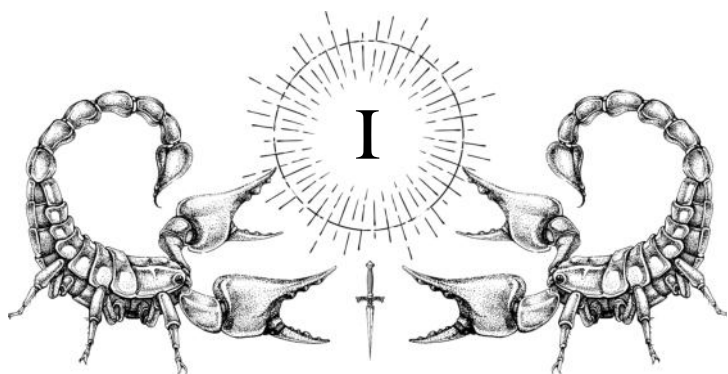

Действие этой книги происходит в мрачном и жестоком, хоть и выдуманном мире. В этом мире сильные охотятся на слабых, и эти отношения часто описываются с помощью понятий, вроде «Хозяин», «Хозяева», а также «раб клинка» / «раб плоти» / «раб дома» и т.д.

В книге содержатся описания убийств, насилия, секса (по обоюдному согласию). Также в книге упоминаются: пытки, сексуализированное насилие, торговля людьми, голод, самоубийство, отравление, физическое насилие, наркотическое опьянение (жертву одурманили с целью изнасилования и похищения).

Начало этой книги самое мрачное, но по мере развития сюжета повествование становится светлее, радостнее. Пожалуйста, имейте в виду, что в книге могут присутствовать другие вещи, которые могут для кого-то стать триггерами.

От автора

Меня разбудил громкий лязг: металл ударялся о металл. Воздух был затхлым, воняло грязными телами и ночным горшком. Он проникает в мои легкие, и я давлюсь им, задыхаясь от этой отвратительной вони. Жгучий холод пробирает до костей, вызывая дрожь и смятение.

Где я?

Мысль, будто густой туман, ползет в моем сознании. Я пытаюсь открыть глаза, но их залепило коркой. Я пытаюсь поднять веки, но ресницы слиплись, и мне больно, так что я тру глаза, чтобы их очистить. Мое сердце тревожно бьется: неприятные, незнакомые ощущения во всем теле завладели моими чувствами, вызывая беспокойство.

Что-то совсем, совсем не так.

Я не знаю, что происходит, и почему мое тело болит так, словно оно побывало на войне. Я пытаюсь собрать свои путаные мысли и чувства воедино, но это похоже на то, как если бы я пыталась вскипятить воду на последнем тлеющем угольке в очаге. Я борюсь с паникой, что бьется у меня в груди, и со звоном в ушах, превозмогая боль, открываю веки. И все, что я получаю в награду за свои усилия — это бесконечная темнота вокруг меня.

Тихий стон вырывается из моего горла, когда я поворачиваю голову, чтобы получше рассмотреть окружающую меня темноту. Я едва пошевелилась, а боль в моем черепе тут же поползла вниз по шее, обнимая за плечи. Боль прокатывается по мне, как рябь по поверхности гладкого озера, и я глубоко вдыхаю затхлый воздух, пытаясь избавиться от мельтешащих кругом черных пятен, мешающих разглядеть что-то в и без того темной комнате.

Внезапно накатывает тошнота, и я сжимаю кулаки — слабая реакция тела на страдания и боль. Мои короткие ногти отчаянно скребут по холодному полу, на котором я растянулась. Я готова избить того, кто сделал это со мной, и это желание течет по моим венам. Жаль, что у меня нет ни единой догадки о том, где я и почему тут оказалась. Как будто кто-то торопливо стер из моей памяти все важные детали, осознание того, кто я есть, оставив после себя лишь меловые разводы и темные облака пыли.

Мое внимание привлекают чьи-то тихие, еле сдерживаемые всхлипы — слева от меня кто-то есть. Мои глаза пытаются приспособиться, сфокусироваться на том, что окружающая темнота скрывает от меня.

Я пытаюсь унять дрожь, внезапно замечая, как во рту появляется привкус ужаса. Старого древнего ужаса, настолько старого, что мне кажется, будто он заполз внутрь, умер и гниет на моем языке неизвестно сколько времени. Желчь щекочет заднюю стенку горла, когда мои глаза окончательно привыкают к всепоглощающей тьме вокруг. Я моргаю, пытаюсь справиться с наплывом образов, напрягаюсь, словно составляю опись вещей, окружающих меня, по мере того, как глаза мои их фиксируют.

Это не просто холодный камень под моими избитыми конечностями, который лишает мое тело тепла

и комфорта. Меня окружают металлические решетки. Высокие зловещие прутья, вделанные в ледяной каменный пол, их венчает жуткая, почерневшая металлическая крышка.

Я в клетке.

Клетка частично сделана из железа, и осознание этого вызывает всплеск паники и прилив адреналина — хотя я не могу вспомнить, почему и как я подумала, что металл этот опасен. Мое тело явно пыталось сказать мне что-то — что, по его мнению, я должна была понять, но в моей налитой свинцом голове было пусто. Мне не хватало каких-то деталей, части себя, чтобы понять собственную реакцию на происходящее.

Страх с новой силой поднялся в моей груди. Биение моего сердца напоминает стук копыт лошади, что несетя к финишной черте в гонке. Мое тело отвечает на мои бешеные эмоции, но мои мысли спотыкаются. У моего разума нет шансов догнать тело.

Я вглядываюсь в темноту и вижу еще больше клеток. Они стоят вдоль стены комнаты, некоторые пустые, их открытые пасти ждут, чтобы сожрать ничего не подозревающих жертв. Другие заполнены беспомощным, бесформенным нечто — таким же, как я.

И снова я слышу тихий, мягкий ритм чьих-то всхлипываний. Я пытаюсь выяснить, кто поет эту печальную песнь, но не могу понять, откуда она доносится.

Я поднимаюсь с земли на трясущихся конечностях, и паника расправляет крылья в моем животе, а боль кричит в моих руках. Стоит мне двинуться, как на лицо падает серебристая прядь волос.

Я замираю. Смотрю на этот необычный оттенок, я жду, когда цвет или форма вызовут в моем одурманенном, истерзанном разуме хоть какой-то отклик, намек на узнавание. Но в голову ничего не приходит. Я тянусь к локону, осторожно дергаю его и чувствую,

как корни прядей натягиваются у кожи головы. Это точно мои волосы.

Почему меня это так смущает?

Я еще приподнимаюсь, не обращая внимания на предупреждающую дрожь моих напряженных, слабых мышц. Я расчесываю длинными ногтями свои локоны, отодвигая густые пряди от лица. Кончики волос шепчут мне поясницу, и я вытягиваю руки перед собой, чтобы посмотреть на них.

Я их не узнаю.

Ужас застревает в гортани, густой и назойливый: я провожу подушечками пальцев по незнакомому мне, но все же моему, лицу. Длинные ресницы, прямой нос, пухлые губы, заостренные уши — все это вещи, которые мне знакомы, и все же... я их не узнаю. Меня не шокирует то, к чему я прикасаюсь и что представляю, но образ того, что эти части представляют собой, будучи единым целым, мне не знаком.

Я не знаю, кто я.

Я с тревожной уверенностью уцепилась за этот факт. Я пытаюсь копать в своих воспоминаниях, искать что-то, что существовало до того, как я очнулась в этой клетке, но там пусто. Мой разум темен, опустошен, и все, что у меня есть, — это вопросы и страх, что поднимаются внутри меня, как перья при сильном порыве ветра.

Что происходит?

Слабые крики раздаются где-то за пределами комнаты с клетками, и несколько узников за железными решетками испуганно пищат, о чем-то предупреждая друг друга. И снова мое тело реагирует так, будто точно знает, чего они боятся. Адреналин бурлит в моих венах, помогая смахнуть паутину с извилин и прогнать боль из конечностей. От страха каменеют мышцы, и мое сердце начинает биться так громко и так быстро,

что, кроме него, я больше ничего не слышу. Будто бы отрывистый стук пытается заглушить звуки грядущего жуткого нечто, защитить меня от ужасов того, с чем я столкнусь.

Инстинкт заставляет меня забиться в самый дальний угол клетки, оказаться как можно дальше от всего происходящего. Но стоит моим обнаженным плечам соприкоснуться с прутьями клетки, как их обжигает огнем.

Я вскрикиваю, отпрыгивая от будто раскаленных железных прутьев. Я отползаю на середину клетки, в нос бьет запах паленой кожи. Я тянусь за спину и, шипя, кончиками пальцев ощупываю новые, пульсирующие раны. Похоже, моя безрукавка защитила спину, но ничего не смогла сделать для плеч и рук. С губ срывается беспомощное хныканье, я сжимаюсь в комочек в центре клетки, глядя на железные прутья, а крики снаружи становятся все громче.

Железо причиняет фейри боль.

Ни с того ни с сего мой разум, охваченный страхом, сообщил мне это так, будто это-то мне уж точно должно быть известно.

Фейри.

Так вот кто я?

Я жду, когда ответ на мой вопрос всплывет в голове так же неожиданно, как и предыдущая мысль, но ничего на ум не приходит. Нет никакого чувства осознания, понимания правильности понятия «фейри», только боль и паника.

Тяжелый топот множества ног раздается где-то за пределами комнаты с клетками. Я беспомощно наблюдаю, как другие заключенные сворачиваются в клубки, словно пытаясь исчезнуть в темноте.

— Что происходит? — прохрипела я, удивляясь тому, что я могу из себя выдать еще что-то, помимо хныканья и стонов боли.

Прежде чем кто-либо успеваешь хотя бы глянуть в мою сторону, большая дверь в другом конце комнаты с пронзительным скрипом распахивается. В помещение льется свет, и от боли я зажмуриваюсь. От скрипа двери чувствительные уши пронзает болью, и я закрываю руками голову. Однако, несмотря на эту муку, я заставляю себя посмотреть на вошедших. Мне нужны ответы, и я не могу отказаться от их поиска — и плевать, что я измучена.

— В какой из них она? — требовательно рычит кто-то.

Я могу различить лишь темные, размытые силуэты на фоне яркого света. Две фигуры огромны, третий силуэт темный, худой, гораздо меньше первых.

— Дальняя конура, Дорсин. Она сидит отдельно от остальных, — покорно пробормотала одна из больших фигур, однако в его ответе слышалось раздражение.

— Приведи ее ко мне, как тебе и было велено с самого начала, — прорычала фигура поменьше. Та, которую назвали «Дорсин».

В этом приказе столько злобы, что я вздрагиваю.

До меня вновь доносится сердитый топот ног, который быстро стихает — тень Дорсина становится все меньше и меньше, пока ее не поглощает свет длинного коридора. Затем две массивные фигуры отходят от света и идут по комнате с клетками. Свет за их спинами скрывает их черты, но, когда они бесшумно двигаются, я все равно чувствую исходящие от них ярость и угрозу.

Внезапно я ощущаю запах мочи. Я оглядываюсь и вижу, как вокруг некоторых других несчастных в клетках растекаются лужицы — их страх столь силен, что

они не могут контролировать мочевой пузырь. Наконец, я понимаю, куда идут эти громадины, и мой желудок сжимается. Ужас душит меня, и я борюсь с желанием закрыть глаза и притвориться, что ничего этого нет.

Свет из коридора не может достать до всех углов комнаты, и по мере того, как неповоротливые тени приближаются ко мне, темнота окрашивает их ужасающий дуэт, а затем медленно раскрывает все их черты.

Когда я наконец вижу темно-серую кожу, мелкие глазки и уродливые черты лица, в моей голове набатом гудит единственное слово: «орк». Я знаю, что это именно они — а еще внезапно для себя вспоминаю, что они — члены Ночного Двора и привычные обитатели лавовых шахт. И несмотря на мою уверенность в том, что касается орков, когда я пытаюсь найти в своей голове хоть что-то, что могло бы объяснить, кто я такая или что оркам от меня нужно, я нахожу лишь пустоту.

Они тянутся к дверце моей клетки, и я спешу очутиться как можно дальше от них. Горящие железные прутья у меня за спиной снова мгновенно останавливают мое отступление, а мой крик боли заставляет одного из орков удовлетворенно хмыкнуть. Будто мой крик — его самый любимый звук на свете.

— Пожалуйста, не делайте мне больно, — молю их я, но мой голос едва слышен, и черный ключ плавно скользит в замок моей клетки.

Один поворот огромного запястья — и дверь в мою клетку открыта. Вокруг — ужасающая, давящая тишина.

Мой взгляд мечется вокруг, отчаянно ища что-то, что поможет сбежать или попросить о помощи, я натываюсь лишь на холодный оскал железа и дикого гигантского орка. Округлые когти венчают громадную руку, которая тянется ко мне, с моих губ срывается невнятный лепет ужаса, который быстро превращает-

ся в мучительный крик — орк вцепился в мои волосы и грубо выдернул из клетки. Я вскинула руки, пытаюсь дотянуться до кулака, сжимавшего мои локоны, и другая рука тут же схватила меня за горло. Крики, полные муки и ужаса, тут же оборвались — орк крепко сжал мое горло, пока я болталась в воздухе. Выглядело так, будто я — всего лишь непослушная *крия**, которой надобно преподать урок.

По ноге потекла струйка горячей мочи, я царапала ногтями пальцы орка, пытаюсь ослабить его хватку на моем горле.

— От твоего страха у меня стояк, маленькая шлюшка, — из-за моей спины донесся хриплый голос, и чужое горячее дыхание окутало меня целиком.

Спиной я почувствовала толстую кожу орка, больше похожую на броню, тошнотворно длинный, влажный и теплый язык скользнул по моей щеке. Он принялся слизывать дорожки слез, текущих по моему лицу, а второй орк наблюдал — в его взгляде читалось неприкрытое возбуждение. Ожоги на моих плечах мучительно ныли, пока жесткая кожа орка терлась о них. Перед глазами все поплыло, по краям расфокусированного зрения появились черные круги.

— Дай мне послушать ее, Гат, — приказал орк у меня за спиной, и хватка на моем горле ослабла, другая лапа опустилась на мою талию и прижала меня к огромному телу позади.

Я сипела и задыхалась, умоляя легкие сделать еще вдох, снова и снова. Из горла рвались только жалкие хрипы, по лицу вновь потекли слезы.

---

* Так как эта вселенная выдуманная, то и многие вещи, существующие в ней, нельзя обнаружить в нашей реальности, однако найти сходства с реальными предметами все же можно. Такие слова помечены курсивом. Здесь и далее примечание автора.

— Пожалуйста, — взмолилась я, но это было единственное слово, что успело вырваться из моего саднящего горла — чужая рука вновь предупреждающе сомкнулась на нем.

— Она уже умоляет нас, Эорн? — Орк, стоящий передо мной, ощупывал меня взглядом, и в глубине его желтых глаз горела тошнотворная похоть.

Он потянулся к пропитанному мочой подолу моей сорочки и задрал его повыше. Я впала в неистовство: брыкалась, пиналась и царапалась, чтобы вырваться, но хватка на моем горле становилась все крепче, пока обволакивающая темнота не захватила меня целиком, а конечности не повисли в изнеможении. Все мои жалкие попытки вырваться бесполезны — орк держал меня крепко, и я попыталась подавить гнев, бурлящий во мне, и не поддаваться беспомощности, которая грозила утащить меня на дно, словно якорь.

Орки хохотали, пока я в бессилии билась и пыталась оттолкнуть их лапы от моих бедер. Рука, что обвилась вокруг моей талии, напрягается — орк наклонился ко мне, и его губы растянулись в злобной усмешке. Сверкнули острые зубы, а затем он высунул толстый черный язык и слизнул мочу с моего бедра. Хватка на шее ослабла, а он лизал меня, снова и снова.

Меня охватили ужас и отвращение, и ко мне пришло болезненное осознание: с каждым движением его язык приближался к тому месту, которое я бы ни за что по доброй воле не открыла такому чудовищу, как он.

Мною овладел ужас, я была близка к истерике, жадно глотала воздух.

Гат, слизывая следы страха с моих ног, словно смакует их и наблюдает за мной своими сальными глазами. Они вспыхивают огнем, когда он видит страх и панику в моем взгляде. Он смотрит на мое испач-

